

Ладьгин Е.В.

**ДЕВЯТЬ ОБРАЗОВ
НЕНАСТНОЙ ОСЕНИ
ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА**

иллюстрации автора

Ладыгин Е. В.

ДЕВЯТЬ ОБРАЗОВ НЕНАСТНОЙ ОСЕНИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

ЛОГОГРАФИКА
(литературно-графические зарисовки)

Иллюстрации автора

Церковь Фёдора Стратилата на Щирковой улице

Вот уже четверть века моим любимым занятием является фиксация с помощью пера художника и писателя своих впечатлений и размышлений. Пришло на ум и новое слово для обозначения этого рода занятий: **ЛОГОГРАФИКА** – слово и линия на греческий лад.

Я создаю художественный образ. Как художник – интерпретирую его на полотне знаками (линиями и пятнами). Как писатель – словами. А что есть записанное слово? Интересно, задумывался ли всерьёз хоть кто-нибудь о том, что представляет собой слово на бумаге? Иероглифами ли оно излилось на шёлк с кисти, буквами ли оно написано пером на пергаменте, набито с клавиатуры и распечатано на принтере ... – те же линии и пятна, что и у художника! Вот таким волшебным делом я увлекаюсь последние годы, учу этому подрастающее поколение ... Насколько удачно – пусть в каждом случае оценивают критики.

Мой лучший и самый честный оппонент – нежная ко мне и справедливо суровая к моим литературно-графическим предприятиям жена. «Сухо. Не летит... Нужно освежить впечатления...» Так прозвучал её вердикт по прочтению материалов о Великом Новгороде, написанных по «прокишизм» воспоминаниям о нескольких давних уже поездках. А мнение её – всегда в точку... даже если и поспорю немного, отстаивая своё «хрупкое мужское Эго». «Не летит, так поедем...»

«Пинками» меня вытолкали из подмосковной «берлоги», где я уходил в астрал рефлексии между депрессиями и пароксизмами творческой активности... И отправились, спонтанно и ненадолго: на два дня и ночь... в холод и дождь, во тьму и ненастье... в самый неблагоприятный прогноз Росгидромета.

В Новгороде мы оказались в начале «глубокой» или на самом излёте «золотой» осени» (это, как посмотреть, вспоминая о наполовину полном стакане...)

Несмотря ни на что, поездка помогла. Вернулись, и «полетело» моё перо по бумаге: свежие впечатления выплеснулись в этот небольшой опус и его иллюстрации.

Глава I

ПРОГУЛКА НАВСТРЕЧУ РАССВЕТУ

Гудок... поезд тормозит... дёрнулся, затих. Лязг ступеньки... топот ног и шуршание одежд, выход в ночь, во тьму, в холод... Пробрало. Кости покрылись инеем...

Оживление у белой громады вокзала. Струйки людей муравьиными дорожками разбежались от вагонов, сели в такси, в машины, в автобусы..., а мы – погреться. В «Кофемолку» – круглосуточную микрокофейню на вокзальной площади. Киоск и впрямь её напоминает. Кофе ароматный. Бариста воюет с кард-ридером... долго, безуспешно... пока мы согреваемся. Смотрим на здание **Новгородского вокзала** исподтишка. По бокам кордегардии XIX века. Сам вокзал века двадцатого, послевоенный. Он стилизован под белокаменный, с часами круглыми, большими, ковано-стеклянными, в центре. Декор у него тоже под старину, но без перебора. Все почему-то говорят, что вокзал новгородский плох, а ночью он вроде бы и ничего себе, даже красив на фоне тёмного осеннего неба.

Промеж плотной облачности небосклон с востока чуть-чуть подёрнулся серозеровыми всполохами. Наконец-то. На воздух! Вон из жары, пусть и пропитанной аппетитными ароматами кофе и маффинов.

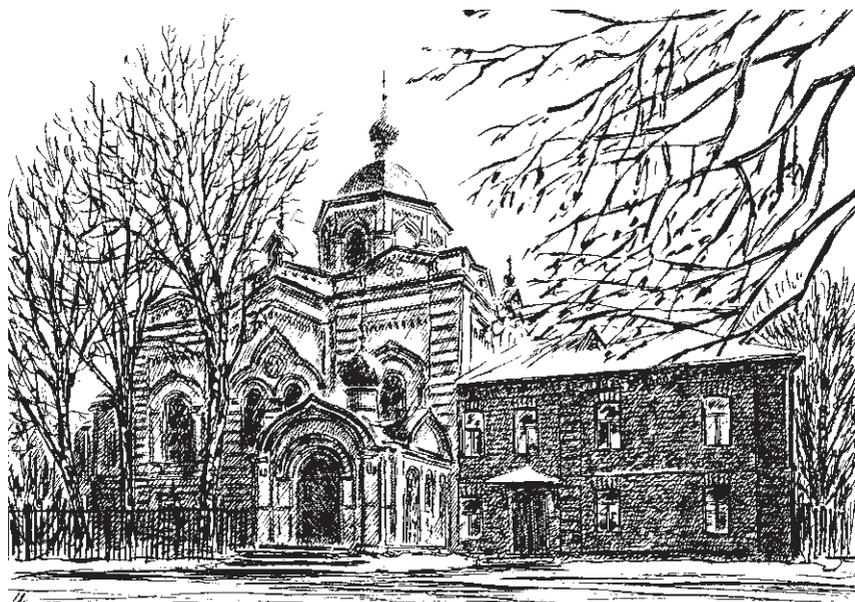
Идём!!! Навстречу рассвету, он рядом! Тёмный бульвар. Высокие деревья. «Улица, фонарь, аптека...». Свет размытый бледным отражением томно восходящего солнца от облаков. Листва под ногами. Вокруг никого, «и тишина...».

Выходим к **земляному валу**. Внешнее укрепление Господина Великого Новгорода. Внушается уважение! : насыпь достаёт до верхушек старых тополей. Идём вдоль. Всё быстрее светает...

Среди домов мелькает первый купол. **Церковь Фёдора Стратилата на Щирковой улице**. Сворачиваем. Красивая. Высокая. Белые фасады. Щипцовая тесовая кровля. Барабаны куполов с поясами изразцов и рядами кирпичного декора. Деревянные крыльца на второй этаж. Вот сколько снега наметало пять столетий назад, вход сразу повыше делали. С древнерусским обликом церкви не вяжется колокольня-анахронизм: серединка на половинку, полубарокко, полуклассицизм...

Вокруг прихода кованый забор, домики служебные, высокие деревья. Местами на кронах ещё даже много листы. Почву она застилает сплошняком. Ноги утопают. В этот роскошный персидский ковёр завернулся нищий бомж. Спит прямо на земле при нуле. Ночлежки в Великом Новгороде и нет, наверное.

Идём дальше, чтобы и самим не замёрзнуть. Улица Большая Петербургская вновь возвращает нас к валам. Почти рассвело. Всё пока сумеречно серое, только золото и киноварь листы добавляет радостные краски к окружающей гризайли. У пролома в валах притаилась маленькая **кордегардия Петербургской заставы**, её можно принять за электроподстанцию.

Собор Святого Духа, Духова монастыря

В Новгороде много парков. Вот и за валом небольшой зелёный уголок, огороженный кованой решёткой, – **сквер Памяти**. Мрачная стела из чёрно-серого гранита установлена в его центре в память **Жертвам политических репрессий**. Дальше купола – **Духов монастырь**. Целостного ансамбля совсем не ощущается. Есть пустырь с редкими деревьями и фундаментами. Его прорезает улица.

С одной стороны громоздится русско-византийского стиля **собор Сошествия Святого Духа**. Одна глава. Совсем немного декора. Смотрится внушительно. Весь обсажен деревьями. Сейчас, в остатках листвы, он словно закутался в жёлтый мохеровый шарф.

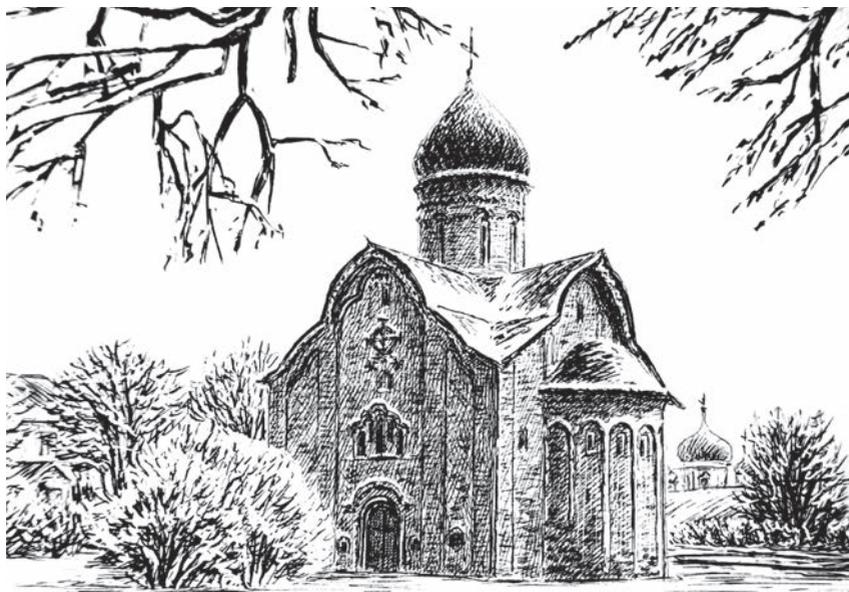
Напротив собора темнеет **Трапезная палата монастыря**. Некогда красавица! Сегодня же печать увядания коснулась её престарелого образа. Она выглядит неухоженной кирпичной массой расплывшегося тела-квашни, с лицом в облеслой штукатурке, с гнилыми зубами лемеха кровли.

Высокий лестничный вход. Стрельчатые окошки. Декор из формованного кирпича. Доминирует килевидный мотив. Кокошники обрамляют оконные проёмы, оформляют лопатки и фриз. Трапезная палата монастыря, как положено, снабжена **церковью – Троицкой**. Её образ интересен своим пятиглавием лемеховых барабанчиков, посаженных на многоступенчатые импосты (подставки).

Вдоль вала идёт улица к Волхову. Невысокие ухоженные частные домики и отремонтированные коммунальные. В прогалке виден **Новгородский**

академический театр драмы. Здание в стиле советского постмодернизма, которое не поливают нечистотами критики только ленивые. А оно не так уж и плохо для своего-то времени, ведь не типовой же брежневский домик из фильма «Ирония судьбы»... Остекление – шедевр. Его проектировал в бытность начинающим архитектором основатель «Машины времени» (одного из самых известных ВИА времён заката СССР) – кулинар-музыкант Андрей Макаревич. Немалая часть деятелей культуры СССР родом из среды выпускников ВУЗов прикладных и технических специальностей. Интересно почему?

Улица выводит к **церкви Петра и Павла в Кожевниках.** Она неоткуда огненно-алым костром возникает перед взглядом, выхваченная пробившимся из-под низких туч солнечным лучом. Это совсем не благочинно однообразная раннехристианская Русь, о которой ностальгируют клерикалы. Этот образ разрушает стереотип. Жившие в слободе новгородские кожевники построили себе церковь из волховского известняка. Камень этот особенный, всевозможных расцветок, как гранит. Он бывает оттенков палевого, рыжего, красного, коричневого, да ещё и плачет, создавая полутона живописными мазками-потёками... До пришествия Ивана III, великого князя Московского и Всея Руси, из него строили почти все новгородские храмы. Разноцветной мозаикой, а не унылой побелкой были окружены наши предки. Древние русские храмы кардинально различались колоритом, переливались всеми цветами радуги, в Новгороде – так уж точно.

Церковь Петра и Павла в Кожевниках

Криволинейный излом причудливых очертаний «крышки ларца-мошевика» – такова кровля у Кожевницкого храма. Фронтоны фасадов закончены трифолием (трилистником). Новгородские купцы бренд Adidas «пиарили» за века до его появления. Готовили почву для продвижения на отечественный рынок своих европейских коллег.

Почти все старинные новгородские храмы выглядят очень по-европейски. И у Кожевницкого типично романский декор: бровки, итальянские окошки спальни Джульеты, масса вставок из камня в виде крестов и розеток, ..., кирпичные строгие аркатуры у абсиды... Одна глава под луковицей венчает эту шкатулку из драгоценного камня, а лемех на ней и на кровле смотрится тонкой сканью. Вокруг свободно. Есть куда отойти. Полюбоваться...

Пока не приблизился, не заметил надвигающейся катастрофы: целый угол уже отваливается, разбегаясь трещинами у подножия западного угла фасада. Не в последний ли раз повезло увидеть этот храм? Не распадётся ли? Может быть, обратит хоть кто внимание и начнёт уже его спасать?

За храмом над близким горизонтом снова громоздятся купола. Это **Покровский Зверин монастырь**, один из самых старых в городе. На его месте был «Зверинец». Не путать с зоопарком! Княжеские охотничьи угодья были здесь. Потому и старославянский термин в названии закрепился. Половину территории обители занимает ныне воинская часть. Вход в неё идёт прямо через бывшие

*Покровский Зверин монастырь.
Слева направо: Тихвинская церковь, Покровский собор, церковь Симеона Богоприимца*

монастырские ворота со звонничкой. Сбоку, внутри примыкающего квартала, за ковanej решёткой спряталась маленькая, простенькая **церковь Никола Белого**.

Обходим воинскую часть. Снова сквер. Памятник. Две фигуры. На спор – **Свв. Петру и Февронии**. Угадал! В начале XXI века эта пара стала особо популярной. Реалии постиндустриального общества разрушают семейные ценности... Семья, как общественный институт, нуждается в небесном покровительстве, чтобы не выйти в тираж под ударами свободных отношений. Напротив памятника, за низкой оградой, вся укрытая золотистой вуалью остатних мелких берёзовых листочков, стоит новая деревянная колокольница с шатровой крышей. Милая, прямо-таки деревенская.

В глубине за ней высится **Покровский собор**. Он спроектирован в стиле эклектики, но с явным преобладанием русско-византийских форм. Недолголюбивая я творения последователей Константина Тона. Редко у апологетов русско-византийского «ампира» получались шедевры. Но здешний собор хорош! И не только монументальными формами.

Архитектор нашёл своё прочтение. Он явно тяготел к свободной эстетике нового времени и неорусского стиля: органично вплёл в декор барабанов архаичные формы арочных валиков, смело совместил их с оконными проёмами, завершёнными портиками в стиле ампир. Зодчий не побоялся связать их с наличниками на фасадах в русском стиле, завершил те кокошниками, украсил полуколоннами с бусинами да перехватами. Он оформил лопатки древнерусскими ширинками, а цоколь – круглыми медальонами из классицизма. Всё в кучу, но смело, оригинально и цельно.

К алтарной части собора примыкает древняя церковь – «новгородский стандарт». Небольшая. Восьмискатная крыша (изначально был трифолий). Одна глава. Порталы входов на три стороны. Скрамный кирпичный декор. Когда-то, именно она была освящена во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Но со строительством нового собора её переосвятили во имя **Тихвинской иконы Божьей Матери**.

Напротив главного входа в собор среди яблонь фруктового сада стоит **памятник патриарху Алексию II**. Табличка с цитатой на постаменте весьма кстати звучит в наше беспокойное время: «Не дайте посеять в ваших душах семя вражды».

За памятником есть детская площадка. Это сегодня уже почти привычный атрибут приходской или монастырской территории. Церковь старается стать не просто отдушиной для помощи страждущим, местом для моления, но и социальным центром.

Рядом **церковь Симеона Богоприимца**. Сама она неказистая, с непропорционально крупной луковкой, но какая-то очень домашняя. А внутри у неё – целый православный календарь. На стенах в интерьере есть фресковое изображение ангела хранителя на каждый день. Всяк своего тезоименинника

найдёт. Взгляд приковывает кирпичный декор фасадов. Разнообразные нишки.. пояса... бровки. Подле храма есть ещё и небольшая часовенка.

Рядом с монастырём, у подножия холма, на котором он стоит, раскинулась широкая площадь. Кирпичное здание – **Манеж**, где гарцевали гордые гусары-кавалеристы. Фасады, как кровь, цвета густого красного вина, главный выходит на площадь. Шесть белых колонн, портик над ними, полукруглые окна по сторонам. Напротив здания стоит **обелиск в память героев Отечественной войны 1812 года**, похожий на надгробие, двуглавый орёл парит над ним.

Тучи сгущаются... Ручейки солнечного света иссякают. Вместе с ними гаснут и краски вокруг. Всё становится блёклым. Начинается противная мелкая морось. С погодой портится и настроение. Чтобы повесить его, отправляемся в яркую изразцовую сказку.

Глава II ВЯЖИЩИ

Серый пластилин облаков неторопливо плавится на небосводе, пастозными сизыми мазками оплывает к горизонту... Дождь идёт за нами по пятам от мокрого уже Новгорода. Из окна такси пустоши... прудки... канавы... чахлые деревца и кустарники... отдельные неказистые домики... Провал во времени. Века на три...

Но нет. Напоминания о XXI столетии есть. Дачные посёлки вдали. Машины во дворах. Столбы ЛЭП. Трубы химкомбината дымят на горизонте...

Остановка – Вяжищи. Асфальт уходит в грунтovку и теряется в ватной торфянистой почве... Чуть с дороги – ботинки утопают. Поднял ногу – лунка заполняется водой...

Солнечный луч на миг прорывается сквозь строй туч, порушенный порывом ветра. На фоне вымазанного сажей неба высвечивается айсберг Никольского монастыря. Здания сияют свежей побелкой и изумрудными бликами. Это искрится на стенах их знаменитый керамический декор. Вблизи становится заметно, как на общем зелёном поле плиток играет орнамент. Всеми цветами радуги переливается чудесной полифонией. Оттенками лазури и сини, сирени и жёлтого, охры и киновари... Радостному убранству храмов вторят зелёные купола и золотые кресты.

Снежная соборная скала окружена тонкой линией льдинок невысокой ограды. Торосы-башенки с флажками-флогерами стоят по углам. Слово королевский пингвин нашло здание в центре ограды. С двух сторон к нему льнут палатки привратника. Микротриумфальная арка Веры – **Святые ворота**. Зелёные створы в перевязь, накладные квадратные кнопки, два креста посередине каждого полотнища. Портик. Луковичка-капелька на тонкой ножке стоит над ним на широкой юбке купчихи. Барабан врос в кровлю. Крест с солнышком в яблочке. С муравлёной изразцовой иконы на фронтоне путника приветствует по-домашнему

милый, интеллигентный, одухотворённый старичок. С грустью и пониманием смотрит на нас. Это самый любимый на Руси святой – Николай угодник. Вяжицкий монастырь во имя его – Никольский.

Ветер вносит нас вовнутрь, на территорию. Справа глубокая, чудовищных размеров яма. Это монастырский пруд выкачали. Чистят бульдозерами от ила, который везут на огороды. Удобрение экстра-класса! Всё растёт, как на дрожжах. Когда в пруде налита вода (видел на фото), – это самое красивое место в обители. Его окружают березки, в его глади чудесное отражение, непередаваемое простыми словами. Дворец из сказки... собор, трапезная, колокольня. В едином комплексе они стоят в центре обители.

Никольский собор. Строгие белые фасады. Стильные наличники с одинарными и двойными кокошниками. Прямоугольного профиля карнизы. Роспись в закомарах. Прямо по кирпичу. Ликов почти не различить... словно духи камня просвечивают сквозь поверхность кладки. Геометрическая, простая щипцовая кровля. Неназойливые аркатуры на барабанах. Керамические вставки в ширинках.

С западного фасада картина иная. Парадный вход в собор оформлен богатым домовым крыльцом с двумя шатровыми рундуками по бокам. Масса кирпичного декора, изразцовые вставки, гранитные ступени... Закрыт. Изнутри поют... или показались? Не достучались...

Св. Никольский Вяжицкий монастырь.

Слева направо: башня ограды, Трапезная палата (церковь Вознесения иже под колоколы, Иоанно-Богословская церковь), Никольский собор, Святые ворота

Собор окружают «подвесные» галереи с арочными окнами. Делают его «бабой на самоваре». Под их аркадой похоронен некий деятель церкви. Иерарх сущ. Скромная плита называет его имя. Как-то не запомнил, к стыду своему... Интересная штука – наша память. Инграммой запечатлеваешь трещинку в кладке безвестной церковки где-нибудь в Тьмутаракани... Забываешь важные имена, а иногда и целые куски своей жизни...

В самом храме, в его подклёте, нашел упокоение великий деятель Новгородской республики XV века архиепископ Евфимий II, признанный за свои благие дела святым. Здесь начинал он карьеру. Здесь стоит рака с его мощами.

Трапезная с церквями и колокольней, другая достопримечательность обители, похожа на галеон. Кораблём и называют подобную планировочную схему, растиражированную в тысячах храмах и сотнях монастырских трапезных. Но здесь корабль не простой. Это настоящий флагман. Надстройка на корме – пятиглавая Иоанно-Богословская церковь, богато украшенная изразцами. Корпус – длинная Трапезная палата. Ватерлиния прочерчена сплошным керамическим поясом. Он отделяет высокий подклёт от второго этажа с иллюминаторами-окнами. Керамические наличники у них сложной криволинейной формы. Передняя надстройка этого «Летучего голландца» – церковь Вознесения «иже под колоколь» (с колокольней над ней). У неё собственное пятиглавие из кучно посаженных маленьких куполочков. Богатым изразцовым узорочьем оформлены столбы и карниз, основание площадки звона и её арочные проёмы. Пояса и колонны из керамики покрывают стены и барабаны всех куполов...

Причудливая фантазия была у авторов орнаментальных фриз и наличников Трапезной. Двуглавые орлы, короны, кресты всех видов и форм, растительный и геометрический узор... Каждая плитка – шедевр. Изразцов не жалели, покрыли постройку с головы почти до пят – до подклёта. В нём располагались склады, поварни, мастерские... На оформлении этой утилитарной части хозяева поскупились.

Между Никольским собором и трапезной – **галерея-переход**. Раненой птицей она широко распластала оперенье. На крыльях похожи в плане лестничные марши-всходы по обе стороны перехода. По их краям сделаны крылечки под шатровыми крышами. Фасады оживляют яркие изразцы в ширинках и наличники окон в глубоких нишах.

Весь конструктив обширной галереи не имеет сплошного фундамента. Он «повешен» на бегущих арках и столбах. Подобное решение в современной архитектуре лишь в XX веке начал применять один из её отцов-основателей, французский зодчий Ле Корбюзье. Устанавливая свои «машины для жилья» на столбы, архитектор свято верил, что это его нововведение... Он, видно, не знал, что безмянные русские строители этим приёмом активно пользовались не только в XVI-XVII веках, но и намного раньше!

Интересна история основания этого монастыря. Четверо иноков, одержимых идеей служить Богу именно здесь, пришли сюда – в центр болотистой пустоши,

место, забытое Создателем ещё в первые дни Творения. «Конкистадоры» были готовы на нешуточную распрю с «аборигенами». Хотя и была в Вяжищах непригодная для земледелия трясына, как и поныне, местные крестьяне считали её своей собственностью. Монахи и их пастырь с Божьей помощью как-то изловчились выиграть дело в Суде Посадника. Поселились. Начали подсыпая грунт, отвоёвывать жизненное пространство. До первых лет Советской власти не прекращался их подвиг. Трудятся и сейчас...

Глава III МОКРЫЙ ДЕТИНЕЦ

Центр Новгорода – Софийская площадь (пл. Победы). Кремлёвский парк по сторонам. Мост перекинут через ров, что отделяет парк от новгородского кремля – Детинца. За мостом высится его громада... Стены. Башни. Софийский собор. Часозвоня... Открытой акульей пастью вождедеет туристов циклопическая арка входа, пробитая прямо в стене. Тяжёлый влажный туман клубится над Волховом... наползает на стены... их тёмный кирпич чернеет от влажности.

Кремль. Детинец. Как нравится, так и называйте. А есть ли разница в терминах? Разумеется, не всякая цитадель в центре города есть Кремль, но почему мы воспринимаем тот или иной образ именно так, как воспринимаем, а не иначе? Вот, например, два объекта в городах неподалёку, в Пскове и в Новгороде. Когда смотришь на Псковскую крепость, хотя её и пытаются все кому не лень сегодня помосковски называть Кремлём (даже табличку повесили «Псковский кремль»), сразу видишь, что это совсем не кремль, а что-то иное – Кром! Укромное местечко на скале, где прятали всё самое ценное, материальное и духовное, постепенно укрепляя его всё лучше и лучше. Новгородский же Детинец даже сегодня не всегда называют кремлём. Но то, что это кремль – укреплённый административный центр московской власти, ощущается само собой. Он, по сути, и является московским. Новгородские в нём лишь фрагменты «начинки». В целом же, он – детище Ивана Великого: зримый символ культурного и политического единства созданной его волей великой державы, где всё подчинено государю, отражает его взгляды, следует его пристрастиям...

И вот мы у Детинца. Куда идти? С чего начать? Мы-то знали, а как поступать в первый раз? Началом пути почти каждого туриста становится Туристическое бюро. В Новгороде оно в **Красной избе**. Аккуратненький рубленый теремок. Высокая крыша. Архитектурный «этюд в багровых тонах» на Сенной площади, справа от Софийской, за Картинной галереей. В Красной избе каждый может получить информацию о работе музеев Новгорода, расположении памятников, узнать расписание экскурсий. Всем подарят подробную схему города.

Сразу в Кремль мы не пошли. Направились в **Кремлёвский парк**. Он окружает Детинец от берега до берега, начинаясь и кончаясь у Волхова. Небо

Спасская башня новгородского Детинца

мглятся... собираются мокрые тучи... смеркается и без того тёмный полдень. Мокрый ковёр всех оттенков жёлтого застилает газоны ... Падают первые капли дождя... падают последние листья с берёзок, клёнов и лип... Ветер вихрит их в искристых золотых торнадо на угольных от влаги асфальтовых дорожках. Поздняя осень в Великом Новгороде...

Голые серо-коричневые столбы деревьев с редкими мазками золотистых, грязно-коричневых и даже зелёных ещё листьев стоят вдоль давно пересохшего рва. Драконьими клыками из краснокирпичных полукружий стен Детинца вторят их вертикалям высокие мощные башни с заострёнными шатрами. Самая интересная и высокая – **Кокуй**, у неё наверху ещё Петром Великим устроена беседка – «осмотрительная всего города площадка». На южной оконечности «фасолинки» Детинца (он похож в плане на боб, что, кстати, говорит о его древности – современные крепости геометрически правильны), стоит новгородская «Пизанская башня», называется она **Спасская**. Во время войны она пострадала от взрыва, но устояла, став наклонной и закрученной по спирали.

С юга Кремлёвский парк заканчивается Екатерининской горкой. Над этим бастионом петровского времени возносится **монумент Героям Великой Отечественной войны**. Издалека он смотрится даже неплохо, в его силуэте угадывается надстройка крейсера. Вблизи этот памятник – странный воистину. В реку с кургана готова прыгнуть единственная конная статуя в городе... конь попирает своим «достоинством» перекорёженную свастику... в седле сидит молодой ражий мужик в крестьянской рубахе и уставных советских кирзовых сапогах для рядового состава... средневековый рыцарский меч в деснице его... за всадником стоит египетская стела с барельефами а-ля Луксор. Стелу венчает пустая скандинавская ладья-драккар без викингов, но с вздыбленным лесом копий... на мачте развеивается стяг с Орденом Победы. Что это? Свобода творчества не ограниченная границами? В Советскую-то эпоху? Как такую странную «эклетику» пропустил художественный совет? Неисповедимы пути его...

У подножия монумента установлена техника времён Великой Отечественной войны. Малыши лазают, родители фотографируются, дождь им не помеха. С Екатерининской горки открываются раздольные виды на Волховские панорамы. Направо река сливается на горизонте с Ильмень озером, заметен силуэт Юрьева монастыря. Старица Волхова (Гребной канал) сегодня выглядит пересохшей заводью с пляжем на месте бывшего дна. В эту осень Волхов куры вброд перейдут. После длительной летней засухи уровень речной воды ниже некуда.

В другую сторону взгляд скользит вдоль набережной и длинной монотонной стены. Бутафорская ограда эта – продукт спешной реставрации. Она поставлена взамен рухнувшей вместе с башнями оригинальной стены Детинца в XIX веке. Восстановить исходную не успевали, даже используя «встречный план», – ведь вся императорская семья должна была прибыть в Новгород, чтобы присутствовать на открытии «Памятника Тысячелетию России».

Вид на Волхов, несущий свои воды на Север, перегораживает «горбатый» **Пешеходный мост**. Это 255-метровое чудо советского монстростроения, простите, мостостроения, открыли в 1987 году на месте древнего Великого моста и дореволюционного предшественника, разрушенного в годы войны. Несмотря на очевидные дизайнерские недочёты, он жизненно необходим. С его появлением горожанам и их гостям стало много легче перемещаться между двумя историческими берегами. Даже в дождь он не пуст. Потоки людей дефилируют с берега на берег, стрекочут затворы фотоаппаратов, туристическая жизнь на мосту не затихает.

Мост опирается в высокую полуциркулярную арку, очевидный анахронизм в древнем укреплении. Две проездных арки устроили в XIX веке на месте воротных башен в восточной и западной стене. От одной к другой пролегает главная улица Детинца.

Рядом с Восточной аркой стоит **Софийская Звонница** – открытая площадка-резонатор с аркадой для подвески колоколов. Единственная главка-луковка с четырёхконечным крестом даже без полумесяца в основании венчает сооружение. Реклама католицизма? К древней звоннице XIV века уже ближе к нашему времени пристроили здание с окнами в богатых наличниках и шатровое крыльцо. Они уже в типично московском стиле.

У подножия звонницы открытая колокольная экспозиция. Большой «царь»-колокол без ушей. «Бояре» и «боярчата» из колоколов поменьше размером окружают своего «государя». Внутри здания выставлена «челядь» – совсем маленькие колокольчики. У звонницы экскурсантов приглашают взойти на прясло стены, чтобы полюбоваться прекрасными видами, но не в такой ненастный день, как сегодня, конечно.

От Звонницы открывается вид на восточный фасад **Софийского собора** – сердца города. «Где София, там и Новгород», говорили новгородцы. Сегодня это древнейший русский православный храм нашей страны. Заложили его по приказу Ярослава Мудрого в 1045 году, достроили в 1050-52 гг.

Он не похож ни на один другой храм России, которые строили впоследствии на основе совсем иных архитектурных традиций. Множество красочных определений легко приходят на ум уже при беглом взоре на Софию... Одномоментно София воспринимается осанистой и стройно парящей, излучающей мощь и лирично беззащитной... Хорошо сказал художник и реставратор И. Э. Грабарь: «сильно, величественно, покоряющее...».

Вход в храм открыт с северного портала. Внутри собора сумрачно и таинственно... искрятся и потрескивают свечи, горящие у икон... тёмные от времени лики взирают с иконостасов... во мраке закоулков перемещаются призрачные тени. Почивают в своих позолоченных раках древние святители, правители и князья церкви. Благоговейно перемещаются между ними служители, прихожане и туристы. В центре, перед алтарной преградой, стоит исторический крест с главного купола Софийского собора, возвращённый из Испании, куда его вывезли во время Великой Отечественной. На кресте сидит голубь, который по

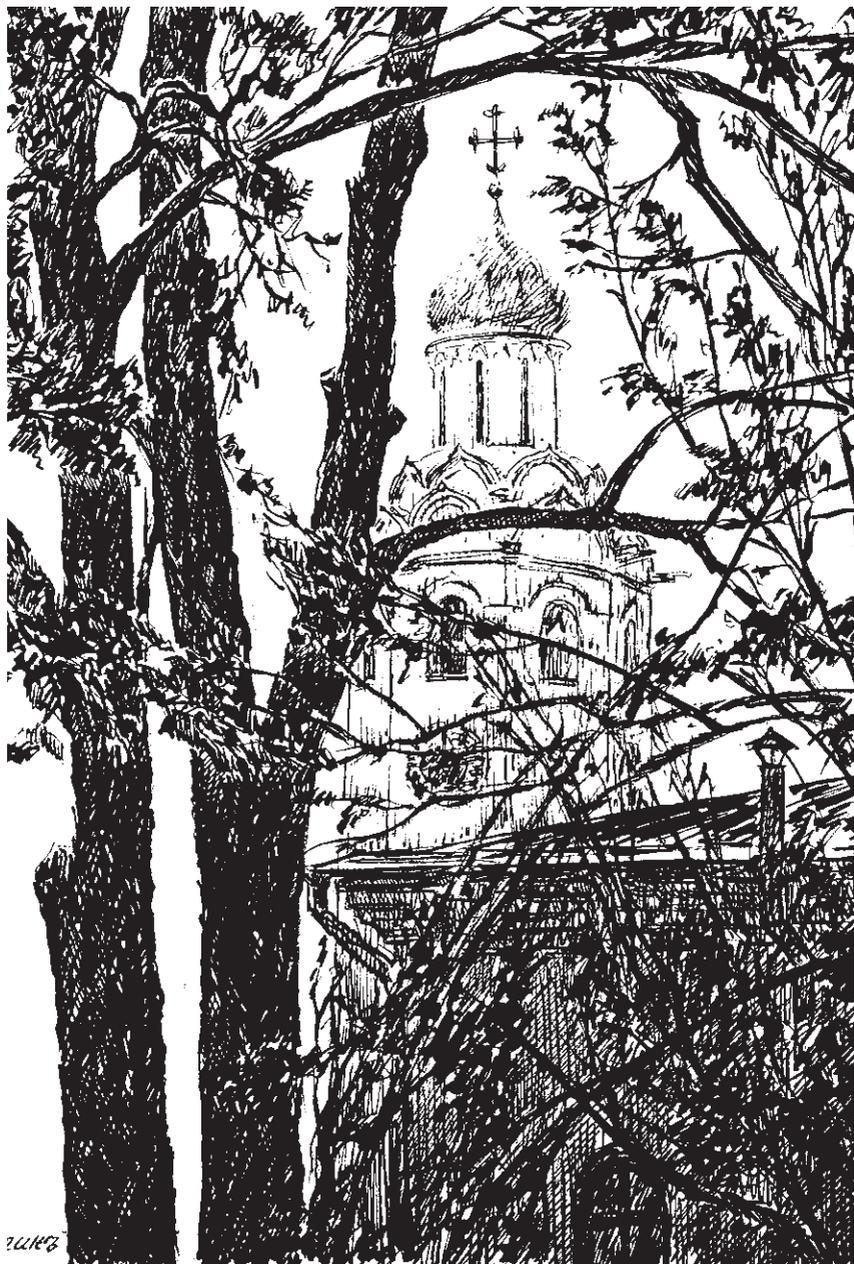

Софийский собор

легенде окаменел от вида кровавых репрессий опричного войска под руководством Ивана Грозного, обескровивших и разоривших Новгород вконец, вслед его деду, Ивану Великому. На нынешнем кресте над центральной золотой главой собора сидит его двойник.

Главный (западный) вход в Софию сегодня закрыт. Снаружи можно полюбоваться на украшающие его Сигтунские (Магдебургские) врата. Почерневшие от времени медные пластины с рельефами похожи на весёлые картинки. Гротескные фигуры в готическом стиле для современного зрителя выглядят смешными, даже уродливыми, но притягательно интересными. Святые, епископ в высокой шапке, рыцарь-крестоносец, крестьянин, мастер... Историки и горожане на протяжении многих лет придерживались легенды, заимствованной из уст самих шведов, что врата новгородцы «взяли на щит» при разгроме шведской столицы Сигтуны, чему нет реальных подтверждений. Доказано лишь происхождение самих врат из немецких пределов. Они – пример высочайшего уровня развития литейного дела средневековой Германии.

В глубине Детинца за Софийским собором двор, да не простой, **Владычный (Архиерейский)**. Над комплексом возносится **Евфимиевская часозвоня**. Её построили по приказу последнего сильного главы Новгородской республики – архиепископа Евфимия II-го, а затем не раз реконструировали. Худенькая башня с часами в верхнем ярусе добавляет необходимую и привычную для любого кремля

Ефимиевская часозвоня

вертикаль. Часозвоне не повезло. Доминантой ей стать не получилось! Софийский собор столь высок и строен, что башня затмевается его надмирным величием...

На дворе несколько интересных, богато украшенных наличниками корпусов. Одно здание недавно частично восстановили в своем изначальном виде. Оно явно выбивается из общего промосковского строя. Это **Владычная (Грановитая) палата**. Для новгородцев она была «Белым домом». Здесь некогда заседало правительство республики – Господа.

Смотрю сегодня на фасады... Гляжу на реконструкции первоначального облика палаты этой... невольно припоминаю образы Ратуш прибалтийских городов. Новгородское правительственное здание – нерусское совсем! В его чертах нет ничего привычного для отечественного административного здания или дворца той эпохи. Не потому ли так жёстко, даже неоправданно жестоко обошлись со всем новгородским Иван Великий, Василий III и Иван Грозный? Новгородцев кляли еретиками и латинянами... в конце XV века операцию по захвату Новгорода объявили Крестовым походом за веру православную!

Захватив Республику, русские государи перестроили на московский лад новгородские храмы, дома и Детинец, переселили коренных горожан в центр России, а на их место москвичей, владимирцев, ярославцев... Мы уже не задумываемся сегодня, но Новгородская республика в XV веке действительно переставала быть русской областью, становясь частью европейского мира, а без Новгорода России не быть!

Грановитая палата (спереди), Софийский собор (на дальнем плане)

Значение Новгорода в образовании Государства Российского подчёркнуто установленным в центре Детинца **Памятником «Тысячелетию России»**. Впервые увиденный, он не забудется никогда. Чёрный колокол. Держава в основе его силуэта – символ мирового господства величайшей империи в истории человечества (Британская лоскутная империя не в счёт). Вместо ушек колокола – символическая скульптурная композиция: архангел с крестом благословляет коленопреклонённую женщину – Россию, в её руках щит с изображением двуглавого орла. Фигуры основоположников страны – великих князей, государей и героев окружают державу. В основании символа империи – фриз с её историей в лицах: администраторы, военачальники, деятели науки, культуры и церкви...

Ангел простёр руку над главой Пётра Великого. Первый император смотрит на Софийский собор. В его руках скипетр – символ власти, а за спиной длинный корпус **Присутственных мест** – её олицетворение. Пара скачущих львов перед невысокой лестницей... привычная жёлтая охра фасадов... монотонные стены с рядами строгих окон...

В этом здании размещались некогда административные учреждения губернии. Сегодня его занимает один из самых знаменитых музеев нашей страны – **Новгородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник**. Вместилище истории. Хранилище примеров высочайшего творческого озарения лучших представителей русского народа. Пропагандист культурных традиций...

За музеем раскинулся обширный пустырь. В южной части Детинца всего одна маленькая постройка – **церковь Андрея Стратилата**. Это и не церковь, по правде говоря. Нынешний неказистый домик всего лишь придел разрушившегося храма во имя Свв. Бориса и Глеба. Софию Новгородскую строил князь на государственные средства. А соревнующуюся с ней в величии Борисоглебскую церковь возвёл представитель частного капитала – на прибавочную стоимость. Заказчиком стройки был Садко Сытинич – богатейший новгородский торговый гость, прототип былинного Садко.

Напротив храма есть огороженная территория – **Соколиный двор**. Охотничьи птички охраняют купола Софии от посягательств голубей.

Внушаясь величием башен, мы возвращаемся вдоль стены к западной арке Детинца. У **Покровских ворот** сохранилась надвратная **Покровская церковь**. Побеленное здание в ярком контрасте с кирпичного цвета оборонительным поясом. Некогда все проездные башни Детинца имели надвратные храмы.

Дождь расходится. Плачет по погибшим, слезами спадая с ветвей... Ему не загасить пламени **Огня Вечной славы** у Западной стены Новгородского Детинца, как не изгладить из памяти великую жертву народа. Мемориальный комплекс в Новгороде похож на Могилу Неизвестного солдата в Александровском саду Московского кремля. Всполохи пламени здесь также отражают гордость за Победу и немеркнущую скорбь всех россиян по своим отцам и матерям, дедам и прадедам, отдавшим свои жизни за то будущее,

в котором мы сегодня есть, где Россия не тень истории «неполноценных народов», уничтоженных фашистами, а великая нация!

Покидая Детинец, вновь проходим под аркой, близнецом той, что со стороны реки. Мост. Перед взором открывается уже знакомая нам площадь Победы (Софийская). В центре, напротив Кремля, громоздится **Здание администрации** – пример «Сталинского ампира». Мощное, осанистое каре в пять этажей лицом на площадь. Псевдо-портик над циклопической колоннадой из 18 белых колонн в центре главного фасада. Бронзовый барельеф из флагов и герба «во лбу горит». Россыпь окон сотен кабинетов. «Административный восторг» советского времени намного переплюнул имперского собрата в Детинце.

Слева, у границы Кремлёвского парка, стоит новгородский **Ленин-памятник** с непростой судьбой, ещё один символ ушедшей Советской эпохи. Бронзовую статую вождя увезли в Германию на переплавку «хозяйственные» нацисты, не пропускавшие ничего ценного из наследия оккупированных территорий. Статую возродили уже в послевоенные годы.

Вновь «ныряем» под сень деревьев, в аллею уже отсыревшего от дождя парка. Впереди один из лучших памятников города – **Фонтан Садко**. Бассейн, дно – яркая мозаика, в центре – две медные фигуры, чьей красоты не видно среди сотни голубей, нахохленных на их мокрых от влаги телах... Одухотворённый новгородец всплеснул руками, играя на гусях... В страстном танце кружится, очаровывая его, царевна Волхова Чернава – миловидная девушка со стройным станом, струящимися волнами волосами.

В перспективе одной из аллей, у самой границы парка прохожих встречает другой памятник. Высокая фигура из бронзы – выдающийся композитор «Серебряного века» Сергей Рахманинов. Правой рукой он опирается на спинку обычной парковой лавочки, задумчиво смотрит на проезжающие мимо по ул. Газон автомобили, на снующих туда-сюда озабоченных людей, яркие витрины магазинов, внимает быстрым ритмам современной жизни... Дождь нипочем, он одет по сезону: широкополая шляпа, шарф, длинный плащ, твидовый костюм. Погода ему привычна, Сергей Рахманинов родился в Новгородской губернии. Вольные ветры этой земли отразились в смелых творческих исканиях великого новгородца, в мелодике «весомых, грубых, зримых...» аккордов моей любимой музыки.

Среди деревьев затерялось крохотное здание **Шахматного клуба**. Над его фасадом воплощена идея волшебных шахмат из «Гарри Поттера». Фигурки стоят на карнизе: белые – новгородская башня, славянский конь, воины, одетые в русские костюмы; черные – рыцари в доспехах, шатёр...

Парк заканчивается. Деревья стыдливо расступаются, прикрываясь голыми ветвями. Они прямо при нас расстаются с последними намёками на приличие. Порывы ветра и струи не на шутку разошедшегося ливня резко срывают с них прозрачные саваны жёлтых листьев и несут в Волхов...

Глава IV

ЯРОСЛАВОВО ДВОРИЩЕ ПОД ДОЖДЁМ

Мост Александра Невского. Идём на другой берег. Ветер крепчает. За ним и дождь усиливается. Зонты ощущают себя парашютами, пытаются увлечь нас вниз, в Волхов. Но мы не поддаёмся на провокацию... жизнь хороша и в такую непогоду. Скатываемся по ступеням вниз. Вдоль набережной «аквапарк»: над бассейном Волхова клубятся облака водяных паров. Зябко... сыро... противно.

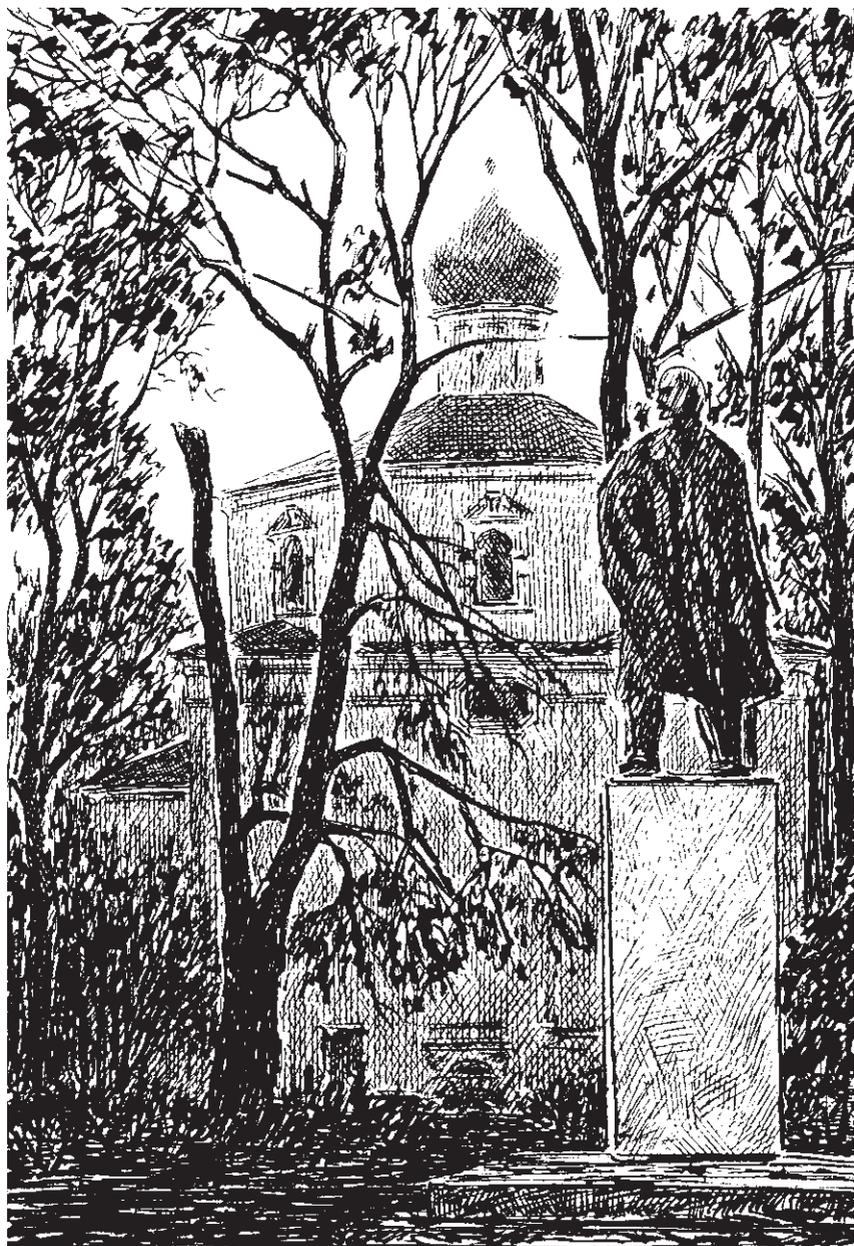
Прячемся в кафе «Диез». Отогреваемся... Снова тянет на подвиги... На набережной сидит напротив кафе толстый «Медведь на скамейке». Подальше другая фигура-скульптура – «Рисующий мальчик». Непогода ему нипочём, творческий зуд... Мы от реки и ветра уходим «в отрыв», вовнутрь квартала, вдоль по улице Бояна... Ныряем во двор – **Екатерининского путевого дворца**. Скромное для императрицы жилище, надо сказать. Дом в два этажа по 15 окон. Портик. С боков два флигеля поменьше. Небольшой двор с клумбой перед фасадом обсажен деревьями, кованая решётка ворот с преторскими палицами вместо столбов запирает его от улицы Ивановской.

Напротив дворца приосанилась и спряталась в ветвях **Георгиевская церковь**. Она хоть и неказистая, но особенная – её идею «квадратуры круга» строители заимствовали из деревянного зодчества: восьмерик на четверике. Широкая невысокая пирамидальная кровля, маленькая главка. Окошко на фасаде – тоже восьмигранник, реверанс в сторону барокко.

Перед храмом знакомая каждому советскому человеку фигура на пьедестале. Это антитеза? Символ противостояния? Знак примирения?..

Традиционная, проверенная веками Православная религия, отступив на время в XX-м веке, успешно победила в отдалённой перспективе, в наши времена, когда ожидали приход коммунизма, «новой и передовой» идеологии, чей основатель называл взгляды оппонентов «опиумом для народа». **Ленин-памятник** одиноко стоит-грустит у подножия храма. Левой рукой Ильич мнёт революционную кепку. Брови нахмурил. Взгляд устремил в беспросветную даль, которую мечтал осветить лампочкой своего имени... Так среди раскидистых деревьев в Новгороде уживаются символы вернувшейся веры в Бога и ушедшей веры в человека.

Справа от Ильича, ближе к реке, стоит **Ивановский (Иоанна Предтеченский) собор**. Храм принадлежал Купеческой гильдии, в нём хранили эталоны длины, веса, объёма... Он был «Палатой мер и весов» в Новгородском государстве. Здание похоже на коренастую фигуру дородного новгородского купчины в шубе. От желающих вступить в «профсоюз купцов» в Новгороде отбоя не было, а на Москве тогда полста рублей из кошмы вытащить на «членский билет» и великий князь поскупился бы... Одна глава у храма, зато много окон «всех времён и

Георгиевская церковь и памятник В. И. Ленину

народов». Надрыли стены за его историю. Здесь и древние щели, и наличники с бусинными полуколоннами, и простые прямые проёмы.

За спинами церквей лежит **Ярославово дворище** – средоточие народовластия «великой русской республики Средневековья», как назвал «в первоисточнике» Господин Великий Новгород философ Карл Маркс. О вечевой вольнице сегодня здесь ничего не напоминает, только стены храмов хранят воспоминания об истории.

Даже этих стен уже почти не видно... всё лишь сереет и блазнит силуэтами... Дворище в этот ненастный день – аквариум, полный разбегающихся туристов и водяных паров от дождя... Молекулы воды висят, словно в невесомости, медленно перемешиваясь в броуновском хороводе... Ветер дорывает ключья тяжёлых облаков, что хотят слиться с землёй в танце капель... Новые фаланги дождевых туч наступают и побеждают туристов по очкам: разноцветные медузы зонтиков редуют. Ярославово дворище пустеет, мы остаёмся наедине с историей...

Неказистая **церковь Успения на Торгу** встречает нас. «Мы строили, строили и, наконец, построили» – сарай. Так много раз перестраивали это побеленное одноглавое здание, что оно сегодня выглядит совсем некрасивым.

Зато, несмотря на множественные утраты, хороша краснокирпичная **церковь Параскевы Пятницы**. Пучки «египетских лотосов» колонн по всем углам. Перспективные порталы в притворах. Мотив из арочных ниш. Пропорциональные высокие щели-окна. Мозаика кладки из кирпича и плитняка.

Самый крупный объект на Ярославом дворе – **Никольский (Николо-Дворищенский) собор**. Верхняя половина у него восстановлена сегодня такой, каковой она была в пору его постройки в XII веке. По представлениям реставраторов, конечно. «Истины нет, лишь одни интерпретации», – говорил Фридрих Ницше, вот и здесь... Выкрасили его в бледно-розовый цвет. С ним сочетается красноватая чернота окисленного влагой медного покрытия его пяти глав. Оригинальные барабаны. У них карнизы из зубчатых арок и шлемовидные купола, архаичные оконные рамы – щиты с круглыми оконцами-иллюминаторами. Фасады делят узкие щелевидные окна. Им вторят ниши. Внизу храм окружает паперть XIX века. Она сильно мешает наслаждаться видом древнего памятника. Внутри него сегодня музей с мультимедийной панорамой города... По одной из версий, именно подле этого собора собирались новгородцы на Вече. Судили-рядили. Спорили до одури. Кулаками и матом утверждали демократию... От её последствий некоторые прятались в соборе. Его экстерриториальность чтили, словно это посольство. А ну как самим прятаться придётся? Холодный политический расчёт!

Напротив Никольского собора расположилась **Гридница с Башней ворот Гостиного двора и колокольней Никольского собора**. В здании – музейная экспозиция. Она знакомит с декоративно-прикладным искусством, с разделом, посвящённым новгородскому художественному литью и чеканке. Потиры. Оклады. Кресты... Здание венчает гранёная башня под конической крышей. Наверх ведёт винтовая лестница, там смотровая площадка. Виды на храмы Дворища вокруг, на

Ярославо Дворище. Церковь Жён Мироносиц, Гридница с Башней ворот Гостиного двора и колокольней Никольского собора

Волхов, на Детеинец. Тепло. Нет ветра. Нет дождя. Удовольствие. Выходить отсюда в сырость и холод не хочется. Но надо. Охота пуще неволи...

На южной границе Дворища стоит пара церквей, их построили уже московские пришельцы первой волны, купцы Сырковы. Заказчики, разбогатев на заморской торговле, так ассимилировались в новгородскую вольнолюбивую среду, что в Опричный погром их казнили по приказу Ивана Грозного, как изменников Московскому государству! В первой – **Церкви Жён-мироносиц**, по совместительству располагался склад «товаров народного потребления» и купеческая контора Сырковых. Вторая – **Церковь Прокония** напротив – проявление древнерусской эклектики, порождённое переселенческой практикой первых московских государей в Новгороде. Восьмикатная кровля и пропорции этого сооружения чисто новгородские, а вот килевидные арочные профили на фасадах – типично московские.

Ярославо дворище вдоль набережной охраняет **Аркада Гостиного двора**. Бесконечный ряд белых арок на колоннах – всё, что осталось от грандиозного по размерам торгового центра XVIII-XIX веков. Его разрушили немецкие бомбёжки, а в довершение разобрали по указанию местных властей. Те поскупились в скучные послевоенные годы на реконструкцию, а сверху денег не дали... То, что осталось, как ни странно, только украсило город. Призрачная ажурная белая аркада на фоне зелени богатым багетом обрамляет силуэты храмов Ярославова дворища.

Среди деревьев неподалёку спрятался **Ганзейский фонтан**. Холодно, он уже не работает. А так, его образ – круглый стол. Понятный символ умения договариваться, что лежит в основе успешной торговли. Ближе к реке стоит **Ганзейский знак** – сцепившиеся «ядерные грибы», которые скульптор почему-то называет кораблями, новгородским и ганзейским. Оба этих объекта появились в городе в год, когда он принимал гостей из Европы, приехавших отметить Ганзейские дни – праздник Ганзейского Союза Нового времени. Это современная реинкарнация древнего торгового объединения. Новгород и Псков – его члены.

Вновь возвращаемся к Пешеходному мосту. Сидит на парапете у его начала усталая бронзовая **Туристка**, до корабля-ресторана «Фрегат Флагман» не дошла... Туфельки сняла, на лице – счастье... Она ледяная на ощупь, как, впрочем, и мы.

Шквал с моста сдувает... если бы не парапет – унёс. Ветер снова выворачивает зонт, срывает куртку. Тащит с высоты вниз, в Волхов... помнит древнее развлечение опричное в Новгороде: «поймать, и с Великого моста, да в воду».

Устали. Льёт, как из ведра. Всё на Софийской стороне залито водой. Прошли ещё раз Детинец насквозь, не глядя по сторонам. Начался «Сезон дождей и снега». Зимся на климатологов. За то, что кричат о «глобальном потеплении». Их «энтузиазм» понятен, выбивают себе гранты на исследования... А что мы видим? Может быть, в 1990-х и отогрелись немного, но наш климат XXI века трудно назвать тёплым. Холодная промозглая осень. Долгая зима. Весны нет – прыжок от морозов сразу в прохладное лето.

Асфальт во дворах – полигон для гонок на выживание. Сухого места нет. Лужи-моря и системы озёр, широких и совсем маленьких... Глубокие или нет? Куда ступить, как не угодить в бездонную яму? Не угадал... Проваливаюсь чуть не по колено в микро-лужице. Смачно выругался... Ботинок, «армейский вездеход», не помог. Зачерпнул. «Небоевая потеря» настроения в походе за булочками из новгородской «Мельницы» (лучшая выпечка на свете, за исключением домашней, конечно, коей меня жена-затейница кормит).

Нырём в тёплые объятия дома на Прусской улице. Дождь и темнота остаются за окном. На Прусской жила Господа, элита новгородская, и мы квартиру сняли на ночь.

Ароматная выпечка съедена. Вкусный чай выпит. Мерный перестук капель, шуршание крышечек по мокрому асфальту... Релаксация наступает. Погружаюсь в дрему... Беспокойный сон мозга, полного переживаний за день, порождает чудовищ. В ночном кошмаре оживают прочтённые раньше и услышанные за прошедший день от новгородцев легенды о временах Опричного погрома...

Белая (Алексеевская башня на Софийской стороне)

Глава V

СВЕТЛОЕ УТРО СОФИЙСКОЙ СТОРОНЫ

После ночного кошмара нужны радостные эмоции... Выходим в яркий солнечный свет, в свежий ветерок. В Новгороде много мест, которые поднимут настроение. Например, **Десятинный монастырь**. Белая **колокольня**. Вся в кирпичном узорочье неорусского стиля. Побеленная ограда. Несколько домиков. Музей внутри...

Немного вперёд. Улица имени того же монастыря – Десятинная. Перекрёсток с Власьевской. Слева вдаль – мираж храма в облаках золотистой листвы... Это солнечным сиянием окутана **Власьевская церковь**. Маленькая, ладненская, на месте капища скотьего бога Велеса. Поворот направо. Дорога от храма ... К валам.

Проходим вросшие в землю советские недодома – временно-постоянные рабочие бараки. Русский человек умеет всему радоваться. Тепло, светло, и Слава Богу (тогда Слава КПСС). И в XXI веке в них живут, любят свой родной уголок. Окна чуть выше уровня земли. Люди просыпаются, с ними и их пушистые питомцы. Одна киска сидит за стеклом на подоконнике, марафет наводит. Радуюсь ей, умиляющимся взглядом ставим животное в пограничную ситуацию. Весь её «Body language» выказывает вопрос: «Вы что, кошку в первый раз увидели?» Глаза на нас по пять копеек вытаращила. Напружинилась. Даже умываться перестала.

Вал с дыркой пролома... для проезда. Улица сквозь. Вдоль вала идём на восток, навстречу холодному солнцу. Частные домики... Новгород – город большой, но этого как-то совсем не чувствуешь. Особенно в центре (в границе валов). «Смычка города и деревни»... «Провинциальный дух»: запах навоза и сырой земли... угля и влажной штукатурки...

Белая (Алексеевская) башня, краснокирпичная по цвету, встречает нас. Единственный сохранившийся до наших дней бастион внешней полосы обороны древнего города. Осанистая. Внушительная. Отреставрированная. Валы вокруг неё срыли, тоже улицу прорубили. Пристроили бутафорские деревянные стены. Кусочками. Нужны ли? Пусть будут. В качестве пособия по устройству деревянной стены для экскурсантов весьма наглядно.

Неподалёку от башни идёт дорога к Воскресенской слободе, к давшему ей имя монастырю. Эта часть города сегодня довольно бедная. Чем дальше от центра, тем меньших размеров становятся строения. За неказистыми домами идут и вовсе заброшенные – избушки бабы-яги со мхом на драночной крыше, и хуже – руины. Покрытие дороги повторяет метаморфозы жилищ. От асфальтовой крошки переходит к гравийным проплешинам, затем к песчаной подсыпке, а на подходе к храмам бывшей обители и вовсе растворяется в грунтовке.

Расступаются ветви... Переносишься в Старую Англию, в Средневековье. **Церковь Иоанна Милостивого** встречает путника слева. Романский декор.

Церковь Иоанна Милостивого в Воскресенской слободе

Посеревший камень стен с вкраплениями валунов и кирпича. Открытая звонница на фасаде. Маленький куполок над восьмискатной крышей... Старинные, раскидистые деревья. С фасада – прямо аббатство где-нибудь в Йорке... Если бы не нескошенный газон с бурьянами и хламом. Совсем не по-английски!

Напротив – «лик современного искусства». На глазах разворачивается инвайронмент. Но это не творение постмодернистов, типа Христа Яваева, укутавшего берлинский Рейхстаг в ПЭ плёнку. Перед нами открылась **Церковь уверения Фомы в светлый праздник Воскресения Христова**. Во время Великой Отечественной войны этот собор стал ДОТом. Мастера-реставраторы так и не восстановили обрушенный снарядами гитлеровцев центральный барабан, зато сделали его проволочную модель из арматурного прутка. Вот произведение авангарда и получилось.

Рядом рельеф понижается. Просится наличие воды. Но нет её. Сушь, да гладь, да Божья Благодать... Новгород был основан в «Озёрном крае», как его называл историк С. М. Соловьёв. Вокруг Волхова со времени ухода ледника оставалось множество водоёмов, прудиков, затончиков, стариц... Сама река течёт несколькими рукавами из одного «пресноводного моря» в другое, из Ильменя – в Ладожское озеро. Воскресенский монастырь стоит на местности, куда простирались воды озера Мячино, сильно обмелевшего за последние столетия, и ещё больше – десятилетия. Вода отступает отсюда всё дальше...

Глава VI

АНТОНИЕВО

Полдень второго дня наступившей поздней осени. Чувствуется! Ночью был заморозок. Ветер дул с полюса всю ночь и дует днём... Тяжёлые облака с ночи полны дождевых капель. Они вот-вот прольются в землю... Мороз и северный ветер борются с дождём, иссушая влажную атмосферу. Ледяные кинжалы воздушных струй режут кожу сквозь ткани курток и исподнее...

Хляби небесные не разверзлись... В разрывах туч выглянуло солнце, но ёжиться хочется даже от его лучиков. Засветилось яркими бликами каре Антониева монастыря. Словно сундучок с золотыми монетками, заполненный опавшими листьями... Несколько «пиастров» ещё трепещут на тонких ветках, остальные укрыли двор сплошным ковром.

Дворники постарались. С дорожек листву собрали. Ровный серый асфальт. По краю через метр «высажены» бетонные яйца динозавров. Машине на газоне «не посидеть».

С юга хмурый Волхов неторопливо несёт свои воды в Ладогу, с севера встреч ему хороводы облаков... С запада монастырский двор охраняет оградка с человеческий рост, начинается вдруг и кончается также. На восток «Антониево» открыто городу и всем ветрам...

С южной стороны старые липы и вязы прикрывают кусок монастырской ограды. В ней двое ворот. Большие из них и не ворота вовсе. Это остов высокой монастырской **колокольни**. Разобрали красотку в пору гонений. Воинствующие безбожники их всех почему-то люто ненавидели! Даже церкви не всегда рушили, но колокольню – ни одну не пропускали. Что-то есть в малиновом звоне русских колоколов, что-то беспокоит злых духов... Основание звонницы сохранило декор времён ампира и проездную арку – вход во двор.

За аркой перед взглядом вырастает странный дом с невыразительным объёмом, неаккуратными окнами и под тремя куполами – **Собор Рождества Богородицы**. Таким он стал после многочисленных достроек, растёски и замен кровли... Несмотря ни на что, выдающееся творение средневекового архитектора, имя которому мастер Пётр, и сегодня вызывает интерес.

Зданию без малого тысяча лет... Оригинальное отличие храма – круглая лестничная башня. Под её куполом узкие окошки в деревянных рамах с круглыми иллюминаторами. Здесь жил Святитель Антоний Римлянин. Это его келья. Келья в храме – редкость, но хозяин-барин... Основатель обители собор построил на свои собственные деньги! «Вклад» он сделал ещё в юности, во времена гонений на православных в Италии. Он загрузил семейные сокровища в бочку-ячейку и выбросил в море. Морской царь вернул депозит с бесплатной доставкой за тридевять земель. Бочку на берег Волхова выбросило прибоем через несколько

Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря

лет после прибытия святителя в русские пределы. Что удивляться чудесам «средневекового банковского дела», если и сам Антоний в Новгород приплыл на камне! Его нерабочий с тех пор «антигравитатор» и поныне демонстрируют паломникам монастыря.

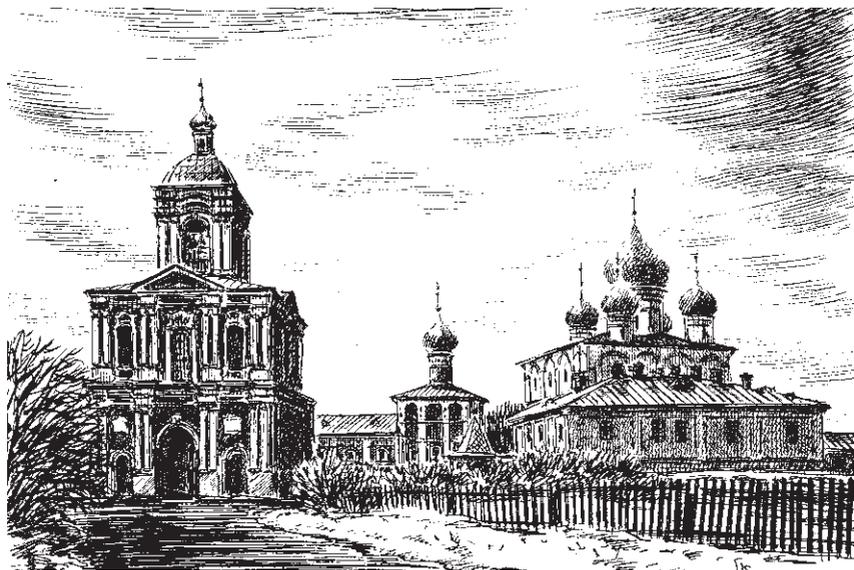
Напротив собора стоит вторая церковь обители – **Трапезная Сретенская церковь**. Она привлекательна! Особенно – своей стройностью и мотивом килевидных арок, повторённых неоднократно в декоре из плоских ниш и лопаток. В несколько рядов. Маленькие и большие, а на барабанах – двойные. В стены между всеми лопатками вмурованы оригинальные белокаменные кресты различных модификаций. К церкви справа прислонился келейный корпус. Шатровое крыльцо, наличники с кокошниками – привычный оформительский приём из XVII века.

С севера двор монастыря замыкают учебные корпуса. На газоне перед декоративным кустарником, высаженным вдоль дорожки, стоят белые мегалиты в форме букв. В бетоне изваяна надпись – «Антониево». Это название открытого здесь уже в наше время научного и культурно-образовательного центра, хотя нечто похожее было здесь и раньше. В средневековой Европе насельники монастырей хранили культурное наследие, переписывали книги, занимались чем-то вроде науки, передавали знания подрастающему поколению. Ещё при основателе обители здесь жил прославленный математик Кирик, известный своими изысканиями на тему создания математического аппарата сознания и времени. «Стивен Хоукинг» своей эпохи снискал себе славу бунтаря, ёрника и матерщинника. Пользуясь духовной свободой новгородского общества, он досаждал архиепископу своими посланиями на «скользкие темы», Владыка отвечал ему. В не менее цветастых оборотах... Издатели до сих пор не берусь публиковать их перлы без купюр.

Глава VII ХУТЫНЬ

Все новгородские таксисты, куда бы мы ни ехали, рассказывали леденящие душу истории о дороге на Хутынь. О пробках на час (нам-то, москвичам)... о ямах в полметра глубиной, где колеса оставишь, о залитых картерах... Словно сами себя зомбировали. Но повезли. И что? Проехали с ветерком, дорога-то, прямо автобан, её уже почти всю реконструировали. За пустошами и полями вдоль шоссе вдруг появляется белый силуэт собора, вырастает колокольня... Хутынь! Место некогда гиблое, худое, а сегодня обжитое, трудам Святого Варлаама и его последователей устроением благодарное.

Паломника встречают два низких жёлтых сруба под куполками – монастырские купальни. Вход в обитель «охраняет» **Колокольня**. В Хутыни в основании сооружения массивный двухэтажный дом, прямо триумфальная арка в стиле барокко. Вместо высокой башни – куца надстройка под небольшим куполом.

Варлаамо-Хутынский монастырь.

Слева-направо: колокольня, трапезная с церковью Св. Варлаама, Спасо-Преображенский собор

Вышла полная несовместимость и несоразмерность объёмов. Знаатоки утверждают, что на постройку не хватило денег, а планировали её сделать не ниже, чем в Сергиевой Лавре. Ведь Варлаам Хутынский – новгородский Сергей Радонежский, не случайно оба эти святые удостоились чести встречать путников, взирая на тех со Спасских ворот Московского кремля.

Через арочный проём в основании звонницы идём в обитель. Всем стоит задержаться: посмотреть на створы входных ворот. Они сделаны с дальним прицелом, чтобы сразу всех ознакомить с житием чернеца Варлаама. Скульптор-чеканщик – настоящий мастер своего дела. Комиксы-клейма в филёночных рамках сделаны с потрясающе тонким мастерством и высочайшим художественным вкусом. Створы окрашены золотистой бронзой, она вторит жизнерадостной охре фасадной краски колокольни, прореженной побелёнными декоративными деталями.

Сбоку от колокольни начинается длинный **Сестринский корпус**, где живут хозяйки монастыря. Вошли во двор. Сразу видно – монастырь не мужской. Просторный двор, чистенько, опрятно, мило. Промытые с шампунем дорожки. Всё ещё цветущие в конце октября розовые кусты, окружённые золотистой листвой и заботой монашек. Дамы в длинных рясах готовятся к зиме: убирают, метут, укрывают, окучивают, подрезают... с любовью к земле и Богом в душе им нипочём холод и слякотная изморось нынешнего дня. Сотня горячих сердец сегодня бьётся в обители, две сотни трудолюбивых рук ухаживают за ней, потому и хорошеет она с каждым днём.

В ведении хозяйства инокини – перфекционисты, иноки – Где хозяйствуют мужчины, всё никогда не бывает до такой степени доведено до ума. За философскими размышлениями о «смысле Бытия» нам, сильному полу, некогда обращать внимание на бытовые мелочи...

Подавляющее большинство мужчин свято уверены, что для всех женщин основными вопросами философии являются «Что надеть?» и «Как похудеть?». А так ли это на самом деле? Наблюдая, замечаешь иное: в симпатичных головках наших спутниц бушуют Гамлетовские эмоции... у них хватает духа поставить трудный вопрос и есть воля решать его до конца... Жертвуя своими жизнями ради детей и близких, они показывают чудеса героизма, достойные Илиады.

Посвящение смысла своего существования любимому, будь то муж, родитель, ребёнок или Господь, это глубинное призвание женщины, а не осознанная необходимость, как у лучших представителей мужского пола. В те времена, когда это было важно для выживания вида, оно закрепилось на генетическом уровне. Неспроста так долго не могут повсеместно восторжествовать идеи феминизма, столь привлекательные, казалось бы. Не мужской диктат в том виноват... не религия... не традиции... сами женщины до сих пор не столь уж страстно хотят менять свой спасительный для существования человечества и своих близких образ мыслей.

Недаром домашний очаг в крепкой русской семье хранят женщины. Неспроста на каждого монаха-мужчину в РПЦ сегодня приходится десяток, а то и более монахинь, о чём поведал нам в тот же день в Перыньском скиту один из послушников.

Обходим кругом **Спасо-Преображенский собор**. Его высокие стены с окнами-щелями делят узкие лопатки. Килевидные арки некогда щипцовой (позакомарной) кровли взлетают вверх, упираясь в карниз нынешней (четырёхскатной). С запада в собор ведёт шатровое крыльцо на толстых ножках-бочках. Бело-кремовый «свадебный торт» венчает крупное пятиглавие толстых свечей: серебристые купола на высоких массивных барабанах. Мотив треугольных арочек-щипчиков украшает карниз барабанов, они же повторены на трёх алтарных абсидах собора. Всё знакомое, видимое десятки, если не сотни раз в городах и всех страны нашей за множество поездок, на старинных фотографиях, в путеводителях... в Ростове, Костроме, Ярославле... Единство стили, единство русского духа: храм – московский во всём.

Сколько не рушили такие в XX веке, множество их сохранилось на необъятных просторах России. Почему их так много и они близнецы-братья?

Тонко чувствуя принципы правления, властелины русского общества – Иван Великий и Грозный, Романовы, а за ними и вожди-коммунисты, с вызывающей уважение последовательностью нивелировали общество. В крупных центрах нерушимо вставали символы власти – кремли, напоминающие московский... в городах и всех выросли места для собраний во имя государственной идеологии

Спасо-Преображенский собор

– христианской ли, коммунистической ли – храмы или клубы, построенные по одному образцу... на месте кривых улочек прорубались прямые проспекты с одними и теми же именами – святых или вождей... плодились дома-близнецы... а в них жили люди, даже свободомыслящие по одному шаблону.

Упокоиться под сенью куполов Преображенского собора в Хутынской обители было последней волей великого русского поэта Г. Р. Державина. Но беспокойной оказалась судьба его бранных останков. Страшные немецкие бомбардировки едва не обрушили на могилу своды собора... Долго не доходили до Хутины руки реставраторов. Гроб поэта перезахоронили после войны в Новгородском Детинце. Лишь с возобновлением в обители монашеского подвига их вернули на место, следуя воле покойного.

Напротив собора – **Трапезная с церковью Св. Варлаама**. Ещё одна типичная московская постройка утилитарного назначения. Такие есть почти в каждом монастыре, чьи ансамбли сложились в XVI-XVII веках. Удлиненное здание-корабль с востока завершается церковью. В ней молились перед принятием пищи или началом собрания в Трапезной палате. Здесь церковь одноглавая. Она значительно превосходит среднюю высоту сооружения. Выкрашено оно в ярко апельсиновый цвет, что оттеняет белоснежные стены Спасо-Преображенского собора и вторит охристым фасадам колокольни. Трапезная церковь богато украшена мотивом килевидных арок, разбросанных по всем стенам.

Часовенка на горочке святого Варлаама

За собором и Трапезной скрыт Хозяйственный двор. Здесь нет интересных построек. Нет и привычной для обители основательной каменной ограды, прячущей жизнь монашек от посторонних взглядов. Есть только невысокий кованный забор из прутьев. Тропинка от границы обители ведёт вниз, к Волхову. Среди высоких деревьев проглядывает небольшая **Варлаамовская часовенка**, построенная на холмике – **горочке Варлаама**. Внушительный курган святитель насыпал сам. Он взял правило каждый день носить на это место в своей скуфье землю. Не изменял он ему до последних дней земной жизни. Говорят, что если на землю горочки встать, а затем обратиться к Варлааму с просьбой об облегчении боли в суставах и ногах, то она утихнет. Мы попробовали. Действует! Уставшие от беготни и сырости предыдущего дня ноги побежали сами собой, да и ныть перестали.

Внизу, под горой, течёт Волхов, изгибается причудливыми рукавами... Красивая, умиротворяющая, левитановская даль. Тишина, вечный покой, нарушаемый шарканьем мётел и граблей – осенние садовые работы продолжаются.

Обходим монастырь с востока. Здесь он окружён огородами. Почва перепажана, уже подготовлена к следующему полевому сезону, ждёт весеннего тепла... Где я не побывал в Новгороде, там везде земля чёрная, тучная, совсем не подмосковные глины и песок. Наносной грунт здесь или Бог сотворил чудо для трудолюбивых новгородских землепашцев, обделённых южным солнцем и теплом?

Глава VIII ЮРЬЕВ МОНАСТЫРЬ.

«Где София, там и Новгород», а «Где Юрьев, тут и Ильмень», если позволят новгородцы так вольно перефразировать свой древний девиз. От подножия стен монастыря действительно открывается вид на исток Волхова, дальний окоём реки уходит за горизонт – в Ильмень. Где начинается река, где кончается озеро? Не понять...

Блистательный Юрьев монастырь... Основан он ещё Ярославом Мудрым. Главный собор монастыря заложил Мстислав Великий. Но в целом, архитектурный ансамбль обители – памятник начала XIX века, монумент дружбы архимандрита Фотия и графини Анны Орловой, освящённый их совместной любовью к Богу.

При входе нас встречает копьём вонзённая в небо **колокольня**, построенная по проекту Карла Росси. Оригинальная и неповторимая. Ракета! Арка ворот в нижнем ярусе. Древнерусская трёхпролётная звонница во втором. Над первыми двумя этажами взлетает ввысь башня с часами и с ещё одним ярусом звона для часобитных колоколов. Вместо обтекателя ракету венчает высокий барабан с декором из килевидных арок и луковичный золотой купол с большим крестом без украшений.

Из-под высокой арки колокольни открылась картина, достойная кисти Констебля: молочного цвета тарелка солнца пастозным мазком белил бессильно

Георгиевский собор Юрьева монастыря.

пытается раздвинуть тяжёлые осенние тучи, ... массы безлистных прутьев бесформенным пухом заштриховывают постройки... Столп Веры – бело-розовая громада Георгиевского собора. Он царит в центре. Весь запутался в чёрной паутине ветвей. Верхушкой достаёт до Ярилы... попирает древнего бога своим крестом, затмевая его слабый свет могуществом Христианского Господа.

От входа, вдоль стены налево, булыжная мостовая ведёт к кубику с куполами. Это **Крестовоздвиженский собор**. Если бы не купола, воспринимался бы он чем угодно, но не собором. Обычный доходный дом в стиле классицизма... канцелярия... дворянская усадьба. Ах, эти синие купола! Их большие золотые звёзды... они запомнятся надолго.

Ветви расступаются. Прямая дорожка ведёт к **Георгиевскому собору**. Взгляд отовсюду словно прикован к главному храму монастыря. Суровые стены бесконечно стремятся ввысь в ритме фактурной кладки из грубого волховского плитняка. Современная побелка не скрывает её ритм... движение подчёркивают ряды узких окон и ниш... высокие щелевидные проёмы с арочными завершениями вторят мотиву рустов-полукружий на месте закомар... «всё выше, всё выше и выше...» барабаны... шлемы... кресты... небо... престол Господень.

Несмотря на несимметричность плана, на различный объём своих трёх глав, Георгиевский собор смотрится удивительно пропорциональным и уравновешенным. Как получилось это у великого новгородского архитектора XII века мастера Петра без компьютерных моделей и сложных алгебраических расчётов? Как вообще нашим пращурам удавалось создавать без технологий то, что до сих пор кажется нам сложным, даже неповторимым?

Современная биофизика выдвинула гипотезу квантового резонанса. Каждый из нас испытывал его на себе, оказываясь в группе индивидов, чьи интересы или взгляды резко противоречат его собственным. Некомфортно среди них, не правда ли?

Зато, если множество людей одержимы общей идеей, то сгустки энергии, из которых состоят атомы нейронов мозга, а вместе с ними и все клетки их тел колеблются в унисон. Недаром так хорошо в храме во время молитвы со своими братьями и сестрами во Христе верующему ... и даже с грузом грехов... и даже «отягощённому злом»... Можно пойти и дальше в приложении этой гипотезы. Резонанс совместной воли целой нации может вызывать возмущения в энергии окружающей материи... может материализовывать любые идеи, по крайней мере, содействовать их воплощению!

Польский писатель Станислав Лем, упражняясь в словотворчестве, по аналогии слову «явь» (корень от «Я») сочинил производное от местоимения «Мы» – «Мывь». Это действительность, отвечающая глубинным интенциям множества людей, осознающих себя целостностью, ассоциирующих себя с местоимением «Мы». Мы хотим, Мы верим, Мы получаем... – что желали... – формируем ленинскую «реальность, данную нам в ощущениях». Не каждому – свою, а всем полной чашей! Мы – народ, а наша жизнь такова, какую страстно желаем все мы, – «мывь».

Колокольня Юрьева монастыря

Русская цивилизация, существующая вопреки всему – реальное отражение смысла этого неологизма. Вера творит чудеса, а предки наши верили, и верили искренне. Верили не только в Бога, но и в свои силы... Мы тоже верим!

Внутри Георгиевского собора темно. Не от плохой освещённости. Теперь он просто такой есть... Поздние росписи наших храмов сильно отошли от сияющей полифонии красок византийского канона, которые так поразили послов Святого Владимира Равноапостольного и содействовали его выбору Веры для народа. Подетски яркие стены русских храмов за тысячелетие потускнели, почернели. От времени и бед... Яркая гамма голубых, салатových, золотисто охристых и палевых красок XI-XII веков сменились тяжелой плотной охрой, терракотовым и красно-коричневым колоритом... Стенопись приобрела помпезную тёмную позолоту и насыщенную имперскую синь... Словно огонь пожараиц монголо-татарского нашествия, Смутного времени и других невзгод наполнили скорбью палитру позднейших изографов, а богатство Государей Московских немного разбавило её атрибутами силы и богатства империи. Лишь несколько древних фресок в оконных проёмах и на столпах в Георгиевском соборе позволяют ощутить радостный колорит его изначального убранства.

В обители много всего настроено... но ничто не смеет нарушить одиночества её большого сердца. Всё здесь прижалось к стенам, словно стесняясь своих попыток оттенить величие Георгиевского собора.

В ненастный осенний день во дворе Юрьева монастыря пустынно. Смельчаков, вроде нас, готовых на авантюрное путешествие в холод и дождь, здесь немного. Вокруг храма больше всего разноцветных китайцев в надутых пуховиках своего пошива. Как цветы на газоне.

Подле собора стоит колченогая **Часовня-сень над источником со святой водой**. Гранитная беседка-ротонда лишилась за свою жизнь одной ножки-колонны. Перестал работать и водопровод, доставлявший воду за много километров из святого источника. Но гранитная чаша под сенью продолжает привлекать туристов, бросающих в неё монетки. Сюда хочется вернуться...

Напротив западного фасада Георгиевского собора стоит другой. Приземистый. Пятиглавый. В русско-византийском стиле. **Собор во имя Спаса Нерукотворного Образа**. В его низком интерьере запомнится оригинальный невысокий иконостас из святителей в рост, в один ряд... Собор – коллективная усыпальница графского рода Орловых. В нём ещё при жизни приготовили для себя место архимандрит Фотий и Анна Орлова... они легли в могилы соседями, как жили, но через век большевики «выселили» их. Гробницу вскрыли вскоре после Октябрьской революции. Добрые люди не позволили надругаться над останками и перезахоронили друзей у Аркажской церкви неподалёку от монастыря, также, бок обок.

Юрьевский настоятель Фотий был отменным хозяйственником. Место в его обители не пропадало, а деньги Орловой не тратились даром. Так башни были превращены в храмы. Красиво отражается в Волхове юго-восточная башня,

ставшая **Церковью Михаила Архангела**. Центр южного корпуса монастыря украшает **Церковь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина»**. Двор трансформировался в сад и огород – зеленеет и сегодня плодовыми кустарниками южная часть монастырского двора даже в преддверии зимы.

Рядом с монастырём было имение графини Орловой – Орловская мыза. Здесь расположен **Музей деревянного зодчества «Витославицы»**. В эти дни он был почти полностью закрыт на реконструкцию. На наших глазах плотники деловито подводили новые венцы под церкви, меняя подгнившие. Подкрашивались наличники, выравнивались дорожки... За оригинальным прутковым тыном (под наклоном в перевязку) шла деловитая работа. Мешаться не пошли... Двинулись в обход монастыря. Вдоль Волхова. В Перынь...

*Юрьев монастырь.
Слева-направо: Крестовоздвиженский собор, Часовня-сень, колокольня*

Глава IX

У ИСТОКА ВОЛХОВА. ПЕРЫНЬ

Впечатления... ощущения... образы... всё то, что составляет естество любого творца. Вдоль Волхова их хватит для удовлетворения самого взыскательного, избалованного вкуса...

Свинцовое небо упало... Молочный свет бледного диска едва пробивает белёсо-голубоватую серую дымку... Бельмо в размытых облаках – уже бессильное в конце октября северное солнце... Мягкие блики листами писчей бумаги плывут на водном потоке вспять в бесконечность – Волхов – Ильмень – Русь. Ноги вязнут в зыбучем крупнозернистом песке берегового уреза... шуршат в прелой листве: золотой, красной, коричневой, буро-зелёной ... Ледяной ветер обжигает лицо предвкушением зимы...

Спросишь в Юрьевом монастыре: «Где дорога на Перынь от Юрьева?» В ответ – направление: «Прямо вверх. Вдоль реки». Идёшь – ощущение движения в никуда и вне времени. Нет никого, налёт современности – чуть больше, чем ничего. Дорога в гору, столбы, заборы, домики ... Богатый. Бедный. Ещё беднее. «Дворец» с летним садом. Среднячки. Лачуга. Безмолвие брошенной пустоши...

Дорога на Перынь. Волхов, уголок ограды Юрьева монастыря.

Яхт-клуб на горке, лодки у подножия, несколько пирсов. Внизу в нутре катеров увлечённо копаются дутьши в куртках-алаяках: к зиме готовятся. Спросить бы: «Куда идти дальше?», – не докричишься. Тропинка упирается в забор, кажется, что не обойти. На рабице болтается грозная табличка – «Охраняется собакой». Приглядываюсь: на месте калитки – дырка, но в раме из уголка и на смазанных петлях. Вошли...

Упомянутая в табличке тщедушная собака отечественной охранной дворянской породы вышла из отдельной однокомнатной конуры с дощатой открытой верандой. Бобик зевнул, лениво разогнался и натянул цепь. Недолёт... Многочисленно погавкал положенное по Уставу число раз, паузнул, вопросительно взглянул на гостей, намекнул хвостом на колбасно-бутербродное подношение, разочаровался и ушёл восвояси: демонстрировать мастерство в деле отстаивания интересов частной собственности было некому.

За яхт-клубом начинается деревня, сладкий запах прелого навоза, гомон птичников, бляение козы, улица-грунтовка с разъезженной колеёй. Кошка потягивается и резво бежит приласкаться. Комочек промытого белого пуха с черными пятнами – уют на лапках. Вокруг никаких признаков культового объекта.

Автостопнули проезжую RENOшку. Остановился новгородец, даже мотор заглушил. Не поспешил пролететь мимо, обдав грязью, как сделал бы москвич, торопящийся на дачу. Спросили, ответил: «Чуть вперёд дорога начнётся асфальтированная. Перынь в том лесочке».

Дошли! Райский аромат мокрой сосновой коры – ночью лил дождь, впитался и источается назад. Благоухание словами не описать. Запах векового бора можно только испить, его удастся прочувствовать лишь своими лёгкими. А сосен то, всего с пару десятков, может быть чуть более. Но какие! Необхватные. Рыжая кожурка лишь на верхних ветвах. Остальное – мягкая, пористая, бугристая, серо-коричневая, многолетних наплавов коры. Вот она-то запах и выдаёт.

На душе «Nice and easy», песня Фрэнка Синатры напевается, черпаешь энергию. Место силы! Тысячу с хвостиком лет назад здесь обитал Перун-громовец, варяжско-славянский бог, это был его Олимп местного значения. Из чертогов на капище, крестя новгородцев, его согнали княжеские посланники Путятя с Добрыней по приказу Владимира Красное Солнышко. В воду золотого идола свергли, сам ли он в Ильмень по воде ушёл? Разное говорят...

Ограда на подходе – декорация к фильму о викингах: ворота и частокол из заострённых брёвен. На холмике за ними стоят среди деревьев кирпичные маленькие домики цвета Каберне со стрельчатыми окнами в белокаменных наличниках, карманная беленькая церковка и деревянный крест. Вот он, один из самых известных некогда монастырей на Новгородчине – Перынский скит!

Пока войдёшь – дважды поклонись, сам не заметишь. Калитки в двойном заборе много ниже человеческого роста, как для лилипута. Атеист, не атеист, но Богу знаки внимания окажешь!

Вековые сосны у Перынского скита

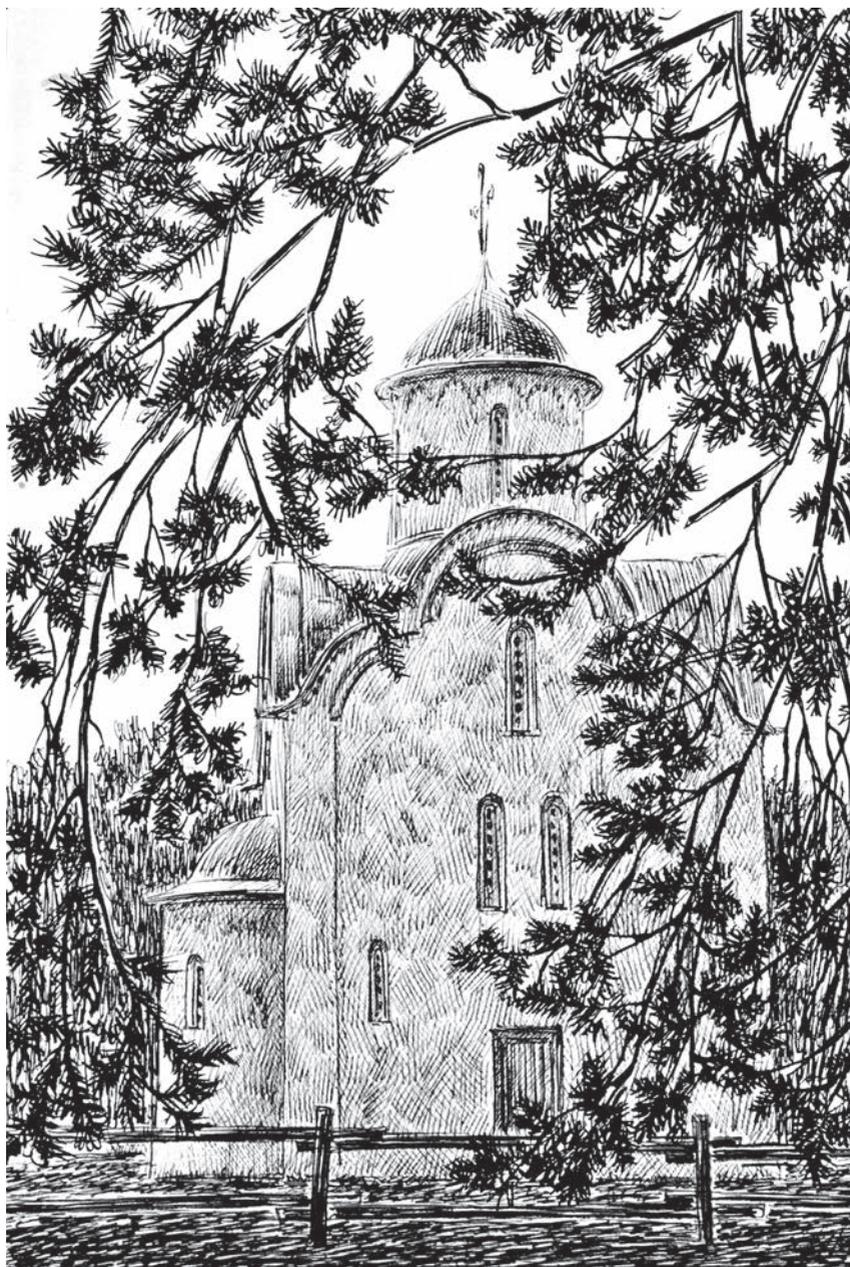

Поклонный крест в Перыньском скиту

На взлобке холма чисто. Между домиками и храмом травка зелёнькая, словно поле футбольное. Поджарый батюшка благочинно выходит из западных врат церковных, манит рукой, заходите мол, не стесняйтесь, гнать не будем за то, что не по канону одета спутница ваша, на мальчонку похожая в куртке Unisex, без косынки и юбки. На севере вообще как-то всё проще в обителях и храмах, без нарочитого фарисейства в соблюдении формальностей. Соответствие дресс-коду во взаимоотношениях с Богом навязывать не станут, оставят на вашу совесть. Лишь верьте...

Заходим. Внутри храма тесно. Как в московской малогабаритной квартирке. Ощущения же – клаустрофобии обратные: летишь, в горную высь к чертогам рая воспаряешь, не зажимает. Построен он с хитростью: стеныверху сужаются, подчёркивая восходящую ввысь перспективу. Свечки ставим, с послушником общаемся, о бедах и радостях, о ските информацию впитываем.

Церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы на месте капища Перуна повелел возвести первый епископ Великого Новгорода Иоаким, чтобы «отставному богу» в случае попытки реванша даже вернуться было бы некуда. Нынешний храмик был построен не ранее конца XII-го и не позднее начала XIII-го века. Возможно, его заказчиком был князь Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского). Это один из самых маленьких храмов домонгольской Руси, его размеры всего 7,5х9,5 метров, а высота – дюжина. Благодаря упомянутому простому

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Перыньском скиту

архитектурному приёму – сужающимся кверху стенам с лопатками, он и снаружи производит вид стройного и высокого. Впечатление усиливают трёхлопастная кровля с единственной шлемовидной главкой на высоком барабане и узкие щелевидные окна. Входы в здание с трёх сторон обрамляют простые деревянные ворота-калитки, утопленные в стены.

Монашеская община могла сложиться на Перыни ещё в годы строительства церкви. С тех пор скит неоднократно разоряли враги, так в Смутное время шведские интервенты чуть не сравняли его с землёй, с тех пор он никогда не отличался богатством. Екатерина II монастырь «за захудалостью» вовсе упразднила. При Николае I его статус восстановили: отшельники, постники и молчальники – монахи Юрьева монастыря, страждущие аскезы, перебирались сюда подальше от любопытных глаз. Краснокирпичные домики вокруг Рождественско-Богородицкой церкви – кельи. Их построили по распоряжению архимандрита Юрьева монастыря Фотия. Тогда же вокруг Скита и была высажена сосновая роща, насыщающая округу своим благодатным ароматом.

Когда-то в Перынский скит уходили, прячась от мира. Перынь и сегодня на отшибе. Но нет покоя насельникам скита: одному иеромонаху, одетому по церковному уставу, и пятерым послушникам, наряженным в чёрную форму ЧОП, даже с рациями для полноты сходства. Неспроста – маскировка-мимикрия! Монаха обидеть – что котёнка пнуть, на охранника же покушаться – боязно. Вдруг в кобуре не огурец? Как могут, спасаются эти молодые люди, чуждые насилия, от подвыпивших хулиганов с пляжа, дебоширов и вандалов.

В самом красивом месте Перынского холма с видом на Волхов стоит простой деревянный поклонный крест, благолепие места подчёркивает. Вниз тропинка уходит к колодцу. Срубик его чуть торчит над землёй. Над ним шатёр с куполом, покрашенный бронзянкой. Скромно, но душевно.

Турбаза, что здесь была во второй половине XX века, оставила по себе в наследство привычную советскую бесхозяйственность. Горы битого кирпича, бетона и арматуры... В одночасье порядка не навести. Работы вокруг – невпроворот! Перынь – место красивое, но не самое посещаемое. Масштабной поддержки или спонсорских средств ждать не от кого. Шестерым насельникам скита ещё трудиться и трудиться, но главную задачу свою скит выполняет: помогает им жить вдали от мира, насколько это возможно в современном обществе, и молиться Богу.

Такси увозило нас от скита. Солнечные лучи выбились из-под савана тяжёлых облаков и осветили на прощание рыжие стволы перыньских сосен – яркий заключительный мазок к навсегда запечатлённому в памяти портрету святых.

Последние образы прошли перед глазами, словно в калейдоскопе. Прогулка вдоль улицы Газон, шедевр советской застройки. Антитеза суровому Детинцу: игрушечные домики в сталинском стиле с «архитектурными излишествами». Хорошо оштукатурено. Ровно покрашено. Обихожено. А начинка уже, совсем не советская ... Бутики, салоны ... Погрелись в кафе-мороженое Baskin Robbins. Вдоль Газона и Большой Петербургской насладились оформлением витрин с мировыми брендами. Нанюхались рижского парфюма, выбирая пахучий сувенир в фирменном магазине. Предел мечтаный советской женщины – Dzintars! Выбрали жене сладкий манящий эйфориак в стиле султанского гарема.

Пока отвлеклись, ностальгируя по советскому гламуру, день за окном угас незаметно. Темнота материализовалась, как будто выключили «верхний свет». Вышли уже в ночь... Зима близко и готовится вступить в права. Ветер утих. Тучи выморозились. Глубокое чистое небо. Угольки звёзд не загасила даже полная Луна. Коммунальщики включили фонари, отогнав демонов тьмы от домов горожан. Последняя прогулка по тихим улицам Новгорода, наслаждение спокойным вечером осени его бурной жизни...

Домой! Закончились два коротких осенних дня, полных промозглой погоды, кинжального ветра и незабываемых впечатлений. Захватил их с собой ...

Софрино, 2018

СОДЕРЖАНИЕ:

Глава I. ПРОГУЛКА НАВСТРЕЧУ РАССВЕТУ.....	4
Глава II. ВЯЖИЩИ	9
Глава III. МОКРЫЙ ДЕТИНЕЦ	12
Глава IV. ЯРОСЛАВОВО ДВОРИЩЕ ПОД ДОЖДЁМ	21
Глава V. СВЕТЛОЕ УТРО СОФИЙСКОЙ СТОРОНЫ	26
Глава VI. АНТОНИЕВО	29
Глава VII. ХУТЫНЬ	31
Глава VIII. ЮРЬЕВ МОНАСТЫРЬ	36
Глава IX. У ИСТОКА ВОЛХОВА. ПЕРЫНЬ	41

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос = Рус)
Л 15

Ладыгин Е.В.
Л15 **ДЕВЯТЬ ОБРАЗОВ НЕНАСТНОЙ ОСЕНИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА.**
ЛОГОГРАФИКА (литературно-графические зарисовки). – Тверь: ПРИНТ-АГЕНТ, – 2019. – 48 с.: ил.

Книга представляет собой литературно-графические зарисовки автора, творческий отчёт о поездке в Великий Новгород, один из древнейших и красивейших исторических центров России. Автор делится живыми впечатлениями, размышлениями и художественными образами, навеянными прогулками по городу и его окрестностям. Книга познакомит с большей частью культурного достояния Великого Новгорода.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой России.

Ладыгин Евгений Владиславович

**ДЕВЯТЬ ОБРАЗОВ НЕНАСТНОЙ ОСЕНИ
ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА**

ЛОГОГРАФИКА
(литературно-графические зарисовки)

Иллюстрации автора

Подписано в печать 15.05.2019 г. Формат 60х90 1/16.
Усл. п. л. 3,0. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Тираж 50 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ПРИНТ-АГЕНТ»,
170021, г. Тверь, ул. Хрустальная, д. 51, офис 9, www.принт-агент.рф
Заказ № 456-19
Тверь, 2019

© Ладыгин Е. В., 2019. Все права защищены.

*Иллюстрация на обложке: Колокольня Десятинного монастыря.
Иллюстрация на титульном листе: Панорама Юрьева монастыря с Волхова.*

ОБ АВТОРЕ КНИГИ

Ладыгин Евгений Владиславович – российский художник-педагог, писатель и учёный. Член Творческого Союза художников России и Международной федерации художников (IFA), эксперт Художественно-экспертного совета Фонда «Новые имена» им. И. Н. Вороновой, кандидат педагогических наук.

Активно занимается научной работой и просветительством. Постоянно участвует в жюри всероссийских конкурсов юных художников, проводит мастер-классы в различных регионах России. Возглавлял научный эксперимент Московского комитета образования по созданию на базе средних школ культурно-образовательных центров эстетического направления. Автор свыше 90 печатных работ, в т.ч. статей, монографий и образовательных программ в области теории и методики художественного образования.

Евгений Ладыгин разработал свой авторский стиль графики – «Живопись пером». С успехом прошли десять персональных выставок. Его произведения были приобретены крупными картинными галереями и музеями, в т.ч. Государственным историческим музеем, Государственным историко-архитектурным и художественным Владимиро-Суздальским музеем-заповедником и др. Графика художника, воспроизведённая на металле, используется в качестве VIP-сувениров Управлением делами Президента Российской Федерации, Министерством обороны, Мосгордумой и другими организациями.

С Миллениума Евгений Ладыгин работает над серией литературно-графических портретов городов России в формате «Путеводитель глазами художника». Художник-писатель запечатлел своим пером интереснейшие уголки нашей страны в десятках очерков-эссе, в интегрированных литературно-графических зарисовках, обширных тематических сериях рисунков и в сотнях отдельных графических работ.